

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ПУШКИНА «ТУЧА» И «АКВИЛОНЪ».

Стихотвореніе «Туча»—одно изъ самыхъ общеизвѣстныхъ произведеній Пушкина; оно помѣщается во всѣхъ хрестоматіяхъ, школьники выучиваютъ его наизусть, и учителя пытаются растолковать имъ смыслъ этой небольшой піесы. Въ русской литературѣ она имѣетъ свою исторію, не лишенную своеобразнаго интереса.

«Туча» написана Пушкинымъ въ 1835 году и тогда же была напечатана въ *Московскомъ Наблюдателѣ* (№ 3), который издавался въ ту пору В. П. Андросовымъ при ближайшемъ соудрудицествѣ С. П. Шевырева. Отсюда стихотвореніе перешло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина и безъ измѣненій повторено всѣми послѣдующими изданіями.

Первый извѣстный намъ критическій отзывъ о «Тучѣ» принадлежитъ Бѣлинскому. Въ своей извѣстной статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», написанной въ 1841 году, Бѣлинскій привелъ «Тучу» въ примѣръ чисто лирическаго произведенія и не обинуясь назвалъ эту піесу «великимъ созданіемъ искусства», а немного лѣтъ спустя, въ 1844 году (въ пятой статьѣ о Пушкинѣ), опредѣлилъ ее какъ образецъ «живописи въ поэзіи».

Въ 1847 году мы встрѣчаемся съ новымъ отзывомъ о «Тучѣ», принадлежащимъ А. П. Милюкову. Въ своемъ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи», говоря о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, онъ неоднократно проводитъ параллель между ними, при чемъ нѣсколько отрицательно относится къ позднѣйшимъ произведеніямъ Пушкина, признавая за ними достоинство не по внутреннему содержанію, а только «по искусству», между тѣмъ какъ предъ Лермонтовымъ онъ преклоняется почти безусловно. «Въ Пушкинѣ», говоритъ г. Милюковъ,—

«сочувствіе къ общественнымъ интересамъ выражалось только въ одинъ (молодой) періодъ его жизни, и то неполно, не съ твердымъ убѣжденіемъ; у Лермонтова оно проявлялось въ большихъ размѣрахъ, но было проникнуто отчаяніемъ въ успѣхъ вліянія на общество и охлажденіемъ къ жизни вслѣдствіе безсильной борьбы». Въ связи съ такою общою точкою зрѣнія г. Милюкова находится и слѣдующее его заключеніе: «Пушкинъ былъ поэтъ по преимуществу объективный и всегда почти скрывался за своими созданіями; Лермонтовъ былъ поэтомъ субъективнымъ и въ каждомъ произведеніи выражалъ черты собственнаго характера. Сравните, напримѣръ, «Тучу» Пушкина съ «Тучами» Лермонтова: въ одной вы увидите только прекрасную художественную картинку, въ другихъ—минуту изъ жизни самого поэта».

Не будемъ касаться различныхъ эстетическихъ и историческихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этою параллелью; но позволимъ себѣ замѣтить, что рѣшеніе г. Милюкова не отличается отчетливостью. Если въ піесѣ Лермонтова онъ угадалъ отраженіе впечатлѣній личной жизни поэта, то почему же не пожелалъ онъ допустить отраженія такихъ же впечатлѣній и въ стихотвореніи Пушкина? Безотчетное рѣшеніе г. Милюкова не подтверждается историческими справками, и въ оправданіе автора «Очерка» можно только сказать, что онъ не могъ ихъ сдѣлать.

«Тучи» Лермонтова написаны вскорѣ по отъѣздѣ поэта, въ концѣ апрѣля 1840 года, изъ Петербурга на Кавказъ, куда онъ былъ переведенъ на службу за дуэль съ Барантомъ. Въ біографіи Пушкина найдется аналогическій фактъ, объясняющій происхожденіе его «Тучи». Вотъ чтò читаемъ мы въ одной изъ статей В. П. Гаевского ¹⁾: «Въ 1834 году Пушкинъ писалъ женѣ изъ Петербурга въ Москву о семейныхъ дѣлахъ. Письмо было, по обыкновенію, распечатано на почтѣ и по совпаденію именъ послужило поводомъ къ новымъ подозрѣніямъ и непріятностямъ. Потребовалось объясненіе, но обвиненія были такъ нелѣпы, что разсѣялись немедленно. Эта набѣжавшая тучка дала мысль для прелестнаго стихотворенія:

Последняя туча разсѣянной бури...»

¹⁾ «О вліяніи лица на творчество Пушкина» въ изданной Александровскимъ лицеемъ брошюрѣ: Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. С.-Петербургъ, 1887.

Мы не знаемъ подробностей происшествія, о которомъ Гаевскій впервые сообщилъ въ печати; но въ письмахъ Пушкина къ женѣ, относящихся къ 1834 году, есть дѣйствительно рѣзкіе намеки на вскрытіе его корреспонденціи; слѣдовательно, основа сообщеннаго факта не можетъ подлежать сомнѣнію.

«По видимому», заключаетъ Гаевскій свой рассказъ,—«между послѣдствіями письма и стихотвореніемъ не существуетъ никакой внутренней связи, но въ подобныхъ необъяснимыхъ процессахъ мысли и заключается непроницаемая тайна художественнаго творчества». Замѣчаніе совершенно вѣрное: созданію обоихъ стихотвореній, какъ Пушкина, такъ и Лермонтова, предшествовали грубые реальные факты, отразившіеся въ ихъ душѣ, и это отраженіе претворено ихъ фантазіей въ поэтическіе образы. Наша критика не разъ пыталась объяснить этотъ творческій процессъ именно въ при-мѣненіи къ тому стихотворенію Пушкина, о которомъ идетъ рѣчь. Такъ, Бѣлинскій въ упомянутой выше статьѣ 1841 года писалъ: «Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ.. Такова, напримѣръ, лирическая піеса Пушкина: «Туча». Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту піесу и не найдя въ ней нравственныхъ апогеевъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: «Да что тутъ такого? Препустенькая піеска!» Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говорить «таинственный громъ», и кому «послѣдняя туча разсѣянной бури», которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства». Нельзя однако сказать, чтобъ эта попытка существенно подвигала дѣло истолкованія піесы. Бѣлинскій справедливъ лишь въ томъ отношеніи, что за нарисованною поэтомъ картиной онъ подмѣтилъ присутствіе чувства, но его характера онъ не угадалъ.

Глубже и полнѣе Бѣлинскаго понялъ и живописную красоту стихотворенія, и его внутренней смыслъ Фетъ. Въ своей статьѣ о по-

эзіи Тютчева¹⁾ онъ касается, между прочимъ, вопроса о взаимномъ отношеніи образа и мысли въ поэтическомъ произведеніи. По мнѣнію Фета, мѣсто, занимаемое ими въ перспективѣ произведенія, зависитъ отъ «устройства души» художника и отъ его настроенія въ данный моментъ: у одного поэта мысль выдвигается на первый планъ, у другого непосредственно за образомъ носится чувство, и лишь за нимъ свѣтится мысль. «Въ иныхъ художественныхъ произведеніяхъ», продолжаетъ Фетъ,—«мысль такъ тонка и до того сливается съ чувствомъ, что, даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что однако нисколько не вредитъ богатству содержанія и достоинству цѣлаго. Вспомните «Тучу» Пушкина. Кто не видитъ чудной замкнутости этого образа, не чувствуетъ свѣжести, которою онъ вѣетъ, и не подозреваетъ мысли о просвѣтлѣніи, тому я ничего не могу сказать. Нельзя, безумно желать болѣе роскошнаго содержанія».

Если послѣ этихъ разсужденій мы возвратимся къ тому факту грубой дѣйствительности, который, какъ говорятъ, послужилъ основнымъ мотивомъ стихотворенію и, разумѣется, не былъ извѣстенъ Фету, то должны будемъ признать, что поэтъ-толкователь чутко угадалъ сокровенную мысль поэта, автора «Тучи»: объясненіе Фета вполне совпадаетъ съ разсказомъ Гаевского.

Еще въ 1824 году, живя въ своемъ Михайловскомъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе, сходное съ «Тучей» по содержанію; но въ печати оно появилось лишь въ январѣ 1837 года, въ первомъ номерѣ *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду*, только что перешедшихъ тогда подъ редакцію А. А. Красевскаго. Пушкинъ далъ эту піесу «на зубокъ» обновленному изданію, извлеки ея изъ старыхъ запасовъ и, очевидно, не желая дѣлиться произведеніями болѣе значительными, такъ какъ самъ въ это время предпринялъ изданіе *Современника*. Впрочемъ, въ «Аквилонѣ» находилось нѣсколько измѣненій, сдѣланныхъ авторомъ осенью 1830 года, во время пребыванія Пушкина въ Болдинѣ.

Сравненіе между двумя стихотвореніями сдѣлано Л. И. Поливановымъ²⁾. По его мнѣнію, «Аквилонъ» отличается отъ «Тучи» «образомъ надменнаго дуба, низвергнутаго промчавшеюся грозой. И здѣсь призывается покой и радостный блескъ природы. Но слѣды

¹⁾ *Русское Слово* 1859 г., кн. 2.

²⁾ Сочиненія Пушкина. Изданіе *Поливанова*, т. I, стр. 161.

бури здѣсь изображены болѣе сильными красками: они представлены какъ остатки гнѣва природы, который послѣ истребленія гордеца представляется поэту уже безцѣльнымъ».

Не подлежитъ сомнѣнiю, что основной мотивъ «Аквилона», какъ и «Тучи», слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно ропталъ онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженiю изъ Петербурга; стихотворенiе составляетъ какъ бы обращенiе къ императору Александру, при чемъ подъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ разумѣетъ самого себя, а подъ дубомъ—Наполеона, побѣжденнаго Русскимъ царемъ. Покоя, который призывается въ послѣдней строфѣ, нѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта: онъ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытiи въ Михайловское:

Я еще

Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточень...

Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни впослѣдствiи, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни въ октябрѣ 1824 года: «Я не прошу отъ правительства полумилостей: это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденiе, надѣюсь на справедливость его».

Принимая во вниманiе такой смыслъ «Аквилона», можно объяснить себѣ, почему это стихотворенiе такъ долго оставалось не напечатаннымъ. Даже когда оно появилось наконецъ въ печати въ январѣ 1837 года, С. С. Уваровъ выразилъ свое неудовольствiе по этому поводу и сказалъ предсѣдателю цензурнаго комитета: «Развѣ господинъ Краевскiй не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полицiи, какъ человекъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношенiе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ» ¹⁾).

¹⁾ *Русская Старина* 1880 г., т. XXVIII, стр. 538. Приведенный выше от-

Такимъ образомъ, «Аквилонъ» и «Туча» возникли подъ различными впечатлѣніями: въ первомъ нѣтъ той твердой увѣренности въ просвѣтлѣніи, которая такъ ясно выступаетъ въ послѣднихъ стихахъ второй. Кромѣ того, между двумя стихотвореніями есть различіе и въ самыхъ приемахъ поэта рисовать картину природы: въ «Аквилонѣ» буря изображена дѣйствительно болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ въ «Тучѣ»; но въ послѣдней изображеніе ярче, хотя въ то же время отличается поразительною простотою рѣчи. Въ этомъ отношеніи «Туча» представляется однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ позднѣйшей поэтической манеры Пушкина.

Ни «Аквилонъ», ни «Туча» не сохранилась въ черновыхъ записяхъ Пушкина; даже упомянутые выше первоначальные варианты къ первому извѣстны лишь по свидѣтельству Анненкова, еще видѣвшаго ихъ въ рукописи, намъ уже неизвѣстной. Одинъ изъ этихъ вариантовъ заслуживаетъ однако особаго вниманія; два первые стиха второй строфы читались сперва такъ:

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба *мрачно облегался*.

Въ 1830 году послѣднія слова были замѣнены слѣдующими: «глухо облегался». Но въ «Тучѣ» Пушкинъ возвратился къ первоначальному образу, и тутъ мы находимъ такой стихъ:

Ты небо недавно кругомъ *облегла*.

Подобные случаи пользованія своимъ собственнымъ старымъ добромъ нерѣдки у Пушкина и свидѣлствуютъ о томъ, какъ долго хранились въ его памяти однажды созданные имъ образы.

Что касается «Тучи», то въ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ числѣ автографовъ Пушкина, хранится листокъ, на которомъ онъ переписалъ набѣло это стихотвореніе; листокъ вышелъ изъ его рукъ уже безъ малѣйшихъ поमारокъ, и притомъ два послѣдніе стиха послѣдней строфы читаются здѣсь въ такомъ видѣ:

И вѣтеръ, *колебля вершины* дровесъ,
Тебя съ усвоенныхъ гонять небесъ.

рывокъ изъ письма Пушкина сообщенъ здѣсь по рукописи; до сихъ поръ онъ печатался съ грубымъ искаженіемъ смысла.

Но на этомъ же листкѣ слова «колебля вершины» зачеркнуты, и надъ ними чужою рукой надписано: «лаская листочки»,—какъ и напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

При первомъ взглядѣ на упомянутый листокъ мы не могли не обратить вниманія на прекрасное первоначальное чтеніе: «колебля вершины»; нѣсколько лицъ, умѣющихъ цѣнить красоту поэтическаго выраженія, ознакомившись съ этимъ варіантомъ, подтвердили, что наше впечатлѣніе насъ не обманываетъ. Все это заставило насъ усумниться въ принадлежности Пушкину той поправки, которая замѣнила указанный варіантъ въ печатномъ текстѣ. Но вскорѣ намъ пришлось разубѣдиться въ возникшемъ сомнѣніи. Въ поступившихъ въ 1889 году въ Библіотеку бумагахъ А. А. Краевского нашлась записка къ нему Пушкина слѣдующаго содержанія:

«Не писалъ я ничего брати московской. Но сдѣлайте милость: поправьте предпоследній стихъ въ «Тучѣ»:

И вѣтеръ, *лаская листочки* древесъ...»

Итакъ, поправка исходитъ несомнѣнно отъ самого Пушкина, а внесена она въ его автографъ рукою Краевского. Разумѣется, ее и слѣдуетъ считать за окончательную. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ: почему вздумалось поэту сдѣлать такое исправленіе? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что о достоинствѣ поправки могутъ быть различныя мнѣнія. Единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ заключаться въ томъ, что слова «лаская листочки» представляютъ образъ болѣе спокойный, болѣе умѣстный въ картинѣ прекращающейся бури, чѣмъ тотъ, какой рисуется словами: «колебля вершины».

Въ этой поправкѣ нельзя не видѣть той изумительной внимательности, съ какою великій поэтъ отдѣлывалъ свои произведенія, и какъ заботливо онъ устранялъ изъ нихъ даже мелкія черты, прекрасныя сами по себѣ, но нарушавшія общую гармонию поэтической картины. Чѣмъ болѣе изучается Пушкинъ, тѣмъ обильнѣе и плодотворнѣе оказываются уроки, завѣщанные имъ писателямъ послѣдующихъ поколѣній.

Л. МАЙКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Крыловъ.—Жуковскій.—Батюшковъ.

Пушкинъ.

Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣва.

1895.